

АНОМАЛИЯ №26

16+

Lars Gert

Аномалия №26

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68259626

SelfPub; 2022

Аннотация

В одном населённом пункте происходят странные события – паранормальные явления, которые умышленно замалчиваются. Данная история основана на реальных фактах, а рассказчик – очевидец многих происшествий.

Lars Gert

Аномалия №26

Однажды, весьма устав от шумной городской жизни, преисполненной выхлопных газов автомобилей и гула их моторов, густого дыма труб ТЭЦ, от всего этого смога, гама и суеты, мы решили переехать в пригород, который добрые люди нам посоветовали, порекомендовали, предложили. Решение наше было взвешенное, окончательное и бесповоротное; никогда не поздно что-то менять в своей жизни, даже если на двоих нам уже сто двадцать лет. Мы уже пенсионеры, по выслуге лет, и хочется уже некоторого покоя и тишины; детей воспитали, пора немного и для себя пожить, расслабиться – кто знает, сколько нам осталось.

Вначале мы планировали просто приобрести дачу; однако, поскольку мы намеревались жить на новом месте круглый год, то купили квартиру (точнее, нам её на юбилей вручили дети, дай Бог им крепкого здоровья, любви и счастья в семейной жизни). Туда-то мы сейчас и вселимся, даст Бог; и обретём мы, наконец, долгожданный покой, уют, комфорт и умиротворение.

Мы собрали все свои вещи, пожитки, сбережения (а также кота), и выехали в юго-западном направлении. И пока мы ехали, чего только не случилось по пути. Сразу.

Для начала, мы долго стояли в огромной пробке: есть в

нашем городе один крайне проблемный перекрёсток, где постоянно, вечно и напряжённо стоят машины. И вот: что же мы видим? Произошла авария, *автокатастрофа*, и перед нашими глазами на асфальте *лужи крови*, и два или три легковых автомобиля просто всмятку. Но гнали мы от себя плохие мысли; вряд ли это какое-то дурное предзнаменование, ведь подобное случается каждый божий день – да, практически ежедневно, и не только в нашем городе.

Дальше – больше. Мы проехали мимо очистных сооружений, где стоял настолько мерзкий запах, что мы чуть не задохнулись; это было ужасно. Потом – пост, на подъезде к которому машина снизила скорость, а вот через дорогу нашим глазам предстало *мусульманское кладбище*...

Вообще, люди мы не суеверные; всякое бывает в жизни. Но что-то всё к одному, хотя и кладбище-то выглядело далеко не заброшенным – напротив, не у каждого при жизни имеются такие хоромы, а тут прямо дворцы, скажем так; ухоженные и даже красивые.

После того, как кладбище осталось далеко позади, на иссушенную палящим июльским солнцем степную местность неожиданного обрушился *сильнейший град* – небо мгновенно затянули свинцовые тучи, сразу стало пасмурно и прохладно. Мы ощутили дискомфорт, потому что тяжело переносим перепады температур, да и в целом возраст даёт о себе знать, хотя ну прям совсем уж стариками мы себя не считаем. Типичные горожане, ведущие здоровый образ жизни на

протяжении многих лет.

Наконец, мы подъехали-таки туда, где собирались провести остаток жизни, но открывшийся вид что-то совершенно нам не понравился, не внушал доверия. Ладно, думаем: дарёному коню в зубы не смотрят; возможно, это первое впечатление такое негативное.

В примерно сорока километрах от города, на *26 разъезде* лежит посёлок городского типа, некогда населённый репрессированными людьми, которых ссылали в степь как врагов народа осваивать целину. Они проживали в бараках и высаживали тополь. Это была вся информация, который мы владели на данный момент. Всё это было, как говорится, давно и неправда; отныне это больше не село «сорок лет без урожая», но процветающий аул, имеющий статус районного центра. Что ж, посмотрим, что нас здесь ждёт; искренне надемся, что переехали мы сюда не зря.

Как это всегда бывает, красивые придорожные заведения с притягивающими взгляд вывесками сменились серостью, затхлостью, не ухоженностью глубинки; небрежное отношение чувствовалось во всём: окурки, весь прочий мусор, шатающаяся без дела пьянь и рвань. Мы почти сразу же ощутили на себе косые взгляды, ибо они тут же, на свой особый нюх поняли, что мы не местные. Никаких угроз, но какой-то неприятный осадок всё же остался. Мы же лишь пожали плечами, и, выйдя из машины (предварительно расплатившись с любезным водителем, трещавшим о том, о сём всю дорогу),

подошли к дому под №13, и стали подниматься на четвёртый этаж вместе с котом и прочим скарбом (львиную долю вещей ещё ранее, с месяц назад, перевезли дети).

Поднявшись, мы были несколько смущены и сбиты с толку, взирая на дверь своего нового жилища: мы стояли перед квартирой №66, к которой мелом кто-то приписал ещё одну шестёрку.

Мы вытащили ключи и вставили один из них в замочную скважину.

– С левой или с правой ноги заходить? – Повис в воздухе накуренного подъезда вопрос. Впрочем, какая разница...

И мы зашли, и расположились, хотя были удивлены, что кот наш повёл себя крайне странно и неадекватно – точно злых духов из преисподней увидел. Мы были наслышаны байками про то, что *кошки чувствуют всё потустороннее*, и что их уши улавливают ультразвук и инфразвук. Повторимся, мы люди городские (а потому совершенно не суеверные); не придали мы значения и в этот раз. Может, зря?

С внутренней стороны на двери сверху кто-то вывел ручкой, синей пастой три заглавные буквы «А»; таким образом, это выглядело как слитно написанное ААА. Что бы сие значило, нам невдомёк. Всё ничего, но мы нечаянно, неожиданно и больно укололись, поскольку в двери мы обнаружили несколько здоровенных *цыганских игл* – почти совсем прожавевших, но от того не менее острых (что твоя булава, приятель).

Прибираясь в квартире (хоть и сделали дети ремонт), под линолеумом мы обнаружили старые советские рубли и несколько игральных карт, одной из которых была *пиковая шестёрка*, а другая – туз (кажется, той же масти). Люди мы не азартные, в картах совсем не разбираемся; нас больше волновала не символика, не изображения, а простой вопрос: зачем класть подобные вещи под пол? Некоторые наши знакомые утверждали много позднее, что это с целью порчи. Да ну, бросьте: всё это суший бред! Или... Нет?

За газовой установкой мы нашли бумажный свёрток, в котором лежали использованные спички. А выкинуть в урну предыдущим владельцам – нет, не судьба? Хм, бескультурье налицо. Просто мы в вопросах чистоты очень щепетильные люди: мы во всём ценим и требуем абсолютный порядок. Нет, это не есть паранойя или какая-то психическая склонность (мы слышаны о людях, страдающих таким синдромом, при котором тщательно моют руки по четыре раза). То, что мы делаем – это элементарное соблюдение нормальности.

Этот день прошёл именно так. Ничего сверхъестественного (за исключением всего вышеописанного). И ночь была бы точно такой же, ничем особо не выдающейся, если бы не бесконечный лай собак. Они точно переговаривались между собой. Та, что рядом, через дорогу, обменивалась репликами с той (или даже несколькими) псинами, которые обитали в новых, «своих» домах, относительно недавно построен-

ных. «Домах на земле». Всё ничего, но эти псы буквально *захлёбывались своим лаем*, будто что-то или кого-то увидели. Это не было страшно, но нервы помотало, щекотало. Оставшуюся часть ночи ближайшая к нашему дому собака уже вела монолог, *протяжно, заунывно завывая*, как оборотень воет на луну. Это было и жутко, и неприятно. Тоскливо так выла, что нам самим хоть волком вой.

Отдельного внимания заслуживает здание напротив – это был одноэтажный сарай-гараж, именуемый местными жителями «**КСК**». Совершенно убитое сооружение, на крыше которого... Росла трава. Видимо, из-за сырости и старости. Напротив него было другое здание, куда привозили в баллонах газ – подъезжала машина, и рабочие буквально швыряли друг другу эти баллоны. Как они все там ещё не взлетели на воздух, мы без понятия – наверное, это неправильно, что такие учреждения находятся в непосредственной близости от жилых построек.

Здание приёма газа упиралось в длинное, вытянутое, полуразрушенное, почти развалившееся кирпичное строение, которое когда-то было котельной, отапливающей все прилегающие дома. Теперь же в том воздухе витал какой-то недобрый эфир; мёртвое здесь всё, мёртвое...

Между теми двумя домиками – газом и КСК – высилось ещё одно кирпичное строение; вертикальное, и столь же древнее. Мы сразу окрестили его «вавилонской башней», хотя в действительности эта башня когда-то была водона-

порной. Сказывали местные много позже, что дурная молва окружает, обволакивает ту башню: несколько десятков лет назад один молодой человек спрыгнул оттуда из-за безответной любви. Его возлюбленная якобы сказала ему: если он её действительно любит, то-де пусть спрыгнет с той башни. И он спрыгнул, и закономерно *разбился насмерть*, а та девушка только в самый последний момент поняла свою глупость. Но на похороны она не явилась, и уехала отсюда далеко. Ещё, говаривали языки, в башне той *винтовая лестница*, и сколько уже навернулось оттуда. И пауки-сенокосцы, и мокрицы, и прочая гадость обитает внутри тех злосчастных стен, ибо сырость крайняя, ужасная. Так делились впоследствии с нами старожилы (ибо мы ведь только начали тут жить), но мы отмахивались от их баек, как чёрт от ладана, потому что считали это росказнями, местным фольклором. Детскими страшилками на ночь, если хотите.

Наутро, ни свет, ни заря, к нам пожаловал сосед, и предложил рыбу – дескать, он рыбак, поздравляет с новосельем, и не испить ли ему одну-другую вместе с нами в нашем новом убежище. Подчеркнём, что люди мы городские; воспитанные, и без приглашения гостей не приемлем. Непрошенных, неожиданных. Не выносим, когда люди навязываются. Возможно, у них здесь так принято? Что ж, пусть свыкаются с тем, что мы живём по несколько иным правилам. Ситуация получилась крайне неудобная, вышло крайне некрасиво. Сосед понимающе кивнул, но, по всей видимости, жутко разоби-

делся. Однако, с первого раза такие люди, как правило, не понимают, и уже вечером он, постучав к нам снова, предложил теперь уже мёд, и пригласил теперь уже к себе в гости. Мы не на шутку рассердились. Поблагодарив его за всё его радушие и гостеприимство, мы более доходчиво объяснили, что нам ничего не нужно, и мы никуда не пойдём. Сосед изменился в лице, и затаил обиду, хотя виду не подал. Но мы жизнь прожили и научились раскусывать подобных людей, а потому ждали подвоха – который не преминул приключиться.

– Ваша очередь убираться. – Заявил нам сосед. – У нас в подъезде всё распределено.

«Да ради Бога», подумали мы, и всё сделали в наилучшем виде: отмыли всё *злосмрадие*, все харчки и блевотину, подмели до блеска и утилизировали все окурки. Мы даже не погнушались очистить лестничную площадку от чьих-то каловых масс и испражнений – вот таким вот засранным оказался подъезд, в котором приютилась наша несчастная квартира.

Однако позднее мы подметили, что убираемся в подъезде чаще других: только мы метём да моем с хлоркой, а все остальные и с места не сдвинутся. Мы решились на небольшой скандал, в котором обвинили соседей в том, что они злоупотребляют нашими услугами, что лично мы не курим и не сорим столько, сколько это делают они; что гостей к себе не водим, и сами ни к кому не ходим. Что живём тише воды, ниже травы. На том и порешили – каждый остался при сво-

ём мнению; в любом случае, мы чужое дерьмо выгребать не будем. Мы понимаем, что живём не одни, но всё же надо и честь знать, совесть иметь. Несправедливо это как-то получается: кто-то гадит, а кто-то – убирает.

Другие же соседи, которые жили под нами, были не лучше: для них было нормой часа в три ночи включить музыку, и издавать характерные звуки; звуки близости. И плевать, что они здесь живут не одни.

Третьи соседи, через стенку, были ужасающе и беспробудно глухи: настолько глухи, что на всю катушку включали свой телевизор, который не выключали часами. Мы наслышаны о том, что некоторые люди боятся тишины; им лишь бы что шумело, любой механический шум. Им так спокойнее, ибо при полной тишине у таких людей якобы начинают возникать в голове какие-то нехорошие мысли, а шум телевизора, радио или музыки их от этих дурных мыслей отвлекает. Но мы являлись обратным вариантом: нам наоборот, хорошо, когда ночью идеальная тишина и идеальная же темнота, ибо так лучше спится; освещение и звуки лично нам мешают сосредоточиться на сне.

Соседи сверху оказались хуже всех: это была многодетная и шумная семья. Абсолютно беспардонные родители-хамы, чьи дети могли весь день напролёт носиться, как угорелые, по квартире, без перерыва, и при этом орать, как потерпевшие. Видимо, про игровые приставки, смартфоны, мультфильмы они и не слыхивали. Или просто пойти на

улицу и бегать там; *земля всё стерпит*. А вот уши наши... Безусловно, это утомляет; мы так своих детей не воспитывали – они отлично учились в школе и вузе, обладают многими хорошими человеческими качествами. Мы привили им это, ибо воспитывали, как следует. Расхлябанности, несобранности, вседозволенности, недисциплинированности, невоспитанности, аморальности, безнравственности, попустительства, развязности в нашей семье не было.

Также, их мамаша, являясь стереотипной домохозяйкой, носу не казала вон, сутками напролёт стирая, из-за чего угол нашей ванной комнаты пожелтел, а труба была мокрой. Пылесосила она, как это ни странно, не после ухода гостей, а перед; пылесосила с утра, наверняка зная и подразумевая, что к вечеру уже будет и пыль, и грязь. И ладно, если бы она делала это молча: но она совершала сие действие в музыкальном сопровождении сабвуфера с низкими частотами, от гроыхания которого тряслись стёкла нашей квартиры.

Так мы и жили, пока однажды не приняли решение больше не вывешивать своё постиранное бельё на балкон (он у нас был не застеклён). Дело в том, что мы не первый уже раз замечали харчки, жвачки, пластилин; и сами соседи сверху бросали на наш несчастный балкон окурки, прищепки и даже свои же, постиранные вещи (никогда не тревожась за судьбу их, не приходя за ними – спрашивается, на кой стирали тогда). Много позже некоторые люди говорили нам, что подкинутые вещи есть недобрый подклад, но мы лишь по-

смеивались: какой подклад, в самом-то деле? В современном мире живём, где довлеет научный подход. В общем, натянули мы бельевую верёвку прямо в квартире – так и сушили свои вещи. А что делать? Ругаться с соседями бесполезно, а делать двойную работу после их действий не станем.

С утра пораньше в КСК происходила сварка, отчего в окно без прищуря и отвода глаз в сторону не взглянешь. Тракторист подбегал к трактору, натягивал какую-то верёвку и потом с силой её дёргал, дабы завести этот самый трактор. «С толкача» они это звали, хотя трактор никто не толкал. Трактор таки заводился, но тут же ехал как-то сам по себе, точно он отдельный организм, живущий независимо, самостоятельно. Тракторист буквально на бегу вскакивал в кабину – но бывало и так, что трактор догнать не удавалось, и он закономерно въезжал куда-либо, однажды въехав в громадные металлические двери «загона», где трактора и содержались. Там было ещё два трактора – причём, один «с ковшом», но такой, что при езде всегда казалось, что он вот-вот развалится. Что характерно, на каждом из трёх тракторов была надпись «аварийный», что как бы намекает.

Однажды *зловещая кирпичная башня загорелась*: её крыша самопроизвольно задымилась. Как так произошло, нам неизвестно; более того, через некоторое время она перестала дымиться сама по себе, и даже не пришлось никуда звонить, вызывать определённую службу. Всё это было как минимум странно – учитывая и рой птиц над башней. Рад-

вались, что это были чайки; не вороны, и то ладно. Но *чайки эти издавали порой такой смех*, что становилось не по себе... А когда они очень низко пролетали, вслед за этим почти всегда лил дождь. И не просто дождь, а ливень! Да такой, что наклон был почти горизонтальный: вода лилась через балконную дверь (между прочем, плотно прикрытую). Честно говоря, мы разводили руками. И даже немножко устали. Вот уже второй месяц, как живём в посёлке, а уже сожалеем, что переехали. Но всё это была ещё простая бытовуха; *основное* было впереди.

Люди, живущие в этом селе, не понравились нам своей чрезмерной участливостью; они были излишне любопытны. Склонны к зависти, и все, как один, сплетники. Обсуждали всех и вся.

Так, мы однажды пошли в магазин. Мы вышли по своим делам. Просто что-то купить, кое-какие продукты. Для себя, на свои кровно заработанные деньги. Но некоторые, рядом стоящие зеваки, обыватели, покупатели докопались с такими вопросами, как:

– А зачем вам это? А куда вам столько? У вас что, гости сегодня? Куда вам целый килограмм яблок?

И мы страсть, как разозлились на это, мой друг. Да какое же им дело, что и сколько мы берём? Кто им сказал, что мы за один присест съедим столько яблок? Может, мы взяли впрок; может, нам это на месяц (если долежат). Это наше дело. Мы ни в чью жизнь не вмешиваемся: почему нам устра-

ивают допрос? Ведь это не праздное любопытство, а именно допрос. Именно так оно и выглядело, и было сие уже не впервые. Господи, *куда* мы приехали? Кошмар.

По утрам мы совершали пробежку вокруг дома (ведь мы ведём здоровый образ жизни). Но сельчане смотрели на нас так, будто мысленно крутили пальцем у виска. Видимо, у них это не принято. Зато у них было принято нечто другое:

– А куда это вы идёте? А почему вы так рано поднялись? А почему вы так оделись? А для чего вы бегаєте?

Даже просто мусор вынести было невозможно:

– О-о-о, Вася-я-я... Куда это ты собрался? А что несёшь? А как твои дела? А что делать будешь? А пошли туда-то и туда-то, сегодня у тех-то и у тех-то застолье.

Какая им разница, куда и зачем мы идём? Нам вот всё равно, как у них дела, если честно. Живём своей жизнью и никого не трогаем. Складывалось такое ощущение, что мы – герои плохого детектива; *нас выслеживают и контролируют каждый шаг*. Что-то вынюхивают всё время, и это стало тяготить.

Как-то раз та соседка, что через стенку, принесла нам каких-то съестных гостинцев. Что же у них у всех за привычка такая... Неудобно отказывать бабушке, взяли. На свою голову. Ибо болели потом так, что еле выкарабкались. Точно так же случилось и в другой раз, и на сей раз дарительницей оказалась соседка со второго этажа, о существовании которой мы даже и не подозревали. Опять мы заболели, отравив-

шись, ибо всё было несвежее. Лень было до мусоропровода дотащить? Мы же не свиньи. И зареклись мы не брать ничего чужого в дом; хочешь, не хочешь, а потихоньку начали мы верить в мистику. Теперь, кто бы что ни давал, ни предлагал, мы под всяческим предлогом отказывались: неизвестно, с какими проклятьями, с какой чёрной энергетикой это дано; наша аура, наше биополе и так уже ослаблено. Это ещё хорошо, что мы в самые первые дни своего проживания здесь отказались и от рыбы, и от мёда, которые приносил нам сосед по лестничной площадке!

Окна другой нашей комнаты (да, у нас двушка) выходили на «центр», заросший топодем. Там стела с «вечным» огнём и ДК. Этот ДК также являлся источником всякого шума: то оттуда вещали через колонки, что нужно (в очередной раз) прививаться от коронавируса; то реклама каких-то там шуб со скидкой (в разгар лета!). Там же, как выяснилось, проводились выпускные вечера, парады и прочие мероприятия. И мы были вынуждены прикрывать форточку, ибо действует на нервы. А с закрытой форточкой жарким летом в не проветриваемом душном помещении...

Гуляли мы однажды на улице, и увидели, как один гадкий ребёнок (не один ли из тех, что живёт над нами?) строит из кирпичей некий «ангар», и пытается замуровать там котёнка. В другой раз на наших глазах этот зверёныш то ли метко брошенной палкой, то ли рогаткой попал в летящего по небу воробья. И защемило от увиденного сердце: лежит без-

дыханный воробушек, а малолетний изверг продолжает его мучить, *выворачивая наизнанку и обнажая сердце и кишки*. Мы жалели, что не вмешались в прошлый раз, когда бездушное отребье упрятало перепуганного кота в кирпичный домик; теперь же мы чуть не прибили мучителя, но он успел улизнуть. Да, возможно, насилие порождает насилие; просто от увиденного волосы встали дыбом. Разумеется, мы бы даже не отшлёпали трудного ребёнка, как следует (а не мешало бы), но пригласили бы участкового, чтобы разобрался, ибо сии действия немислимы просто.

Когда окотилась чья-то кошка, дети вышли на улицу, вынеся вёдра, и топили в них несчастных, незащитных котят, совершенно никого не стесняясь. И мы накинулись было на них, но один из них (по всей видимости, самый старший, и самый неуправляемый) как-то странно взглянул на нас. И мы поднимаемся в другой раз к себе домой, а гадёныш бьёт об бетонную стену нашего кота, держа того за хвост... Так погиб наш единственный кот; верный друг и помощник, услада и домашний питомец.

Терпению нашему пришёл конец, и состоялся серьёзный разговор, после которого нам пообещали (для виду?), что ту семейку возьмут под контроль, а их детей – на учёт. Дай-то Бог... И всё нам непонятно: отчего же такая ужасная ненависть ко всем кошачьим? Откуда в них это? Такие маленькие дети, но уже такие *архиизверги*.

Не стало кота – осмелели и мыши: до такой степени, что

каким-то образом *прогрызли сзади* тумбочку, в которой мы хранили крупы и всё такое. И вонь от них несусветная, ужасная! Дело даже не в том, что мы прямо непримиримые враги грызунам, или что они начали портить наше имущество – просто они переносчики всякой гадости, вот ведь в чём дело. Мышей мы, слава Богу, потравили, и завели нового кота.

Душа ушла в пятки, когда как-то днём прилетел *чёрный голубь*, и со всей дури пытался влететь к нам, словно и нет преграды, барьера в виде стекла балконной двери. Он – слеп? Разве не видит стекла? Или он пытается что-то сообщить, донести до нас? Но что именно? Дважды, дважды прилетал чёрный голубь. Беспокойно ходил, не оставляя попытки влететь – даже трещинка в стекле от его клюва осталась. Что за напасть...

Самое страшное произошло позже: раньше мы как-то особо не присматривались, но теперь стали замечать по ночам некое *свечение в одной из стен*: она самопроизвольно светилась определённым цветом – между жёлтым и зелёным, да ещё и в форме человеческого силуэта.

Мы познакомились поближе с одним местным мужчиной средних лет – тем самым шофёром, который и привёз нас сюда. Разговорились. И мы пришли к выводу, что он, похоже, единственный адекватный, вменяемый человек в этом чёртовом посёлке. И вот что он однажды нам поведал:

– Вы думаете, вы единственные, кто подмечает все те странности, что творятся в этом селе? Ошибаетесь и заблуж-

даетесь. Я скажу вам вот что: *село это стоит на костях*; здесь *очень негативный фон*. Люди, что жили в бараках много лет назад – они *в них и сгнили. Их не хоронили*; тёмное время было, и много воды утекло. Сейчас на месте барачков – жилые дома. Отсюда и многие проблемы, но черевато это гораздо большим. Вам ещё повезло: иные *слышат голоса*, потому что по домам или подле них *бродят не упокоенные души*. Сами же дома *построены из радиоактивных плит*: даже приезжали специалисты в своё время, так показания их приборов аж зашкаливали! *Радиоактивный фон* сильный. Не Чернобыль конечно, но ПДК превышает. Отсюда и проблемы со здоровьем, эндокринной системой, мигрени, нарушения сна. Пары если и женятся – почти сразу же и разводятся; исключение составляют те, кто *продал душу дьяволу*: они – часть того или иного дома (включая ваш *13-ый*). Дома эти старые; проблемы с подачей воды, отоплением, большая слышимость и вообще, в целом ошибки при самом проектировании (вы заметили кривизну стен?). Но многие старожилы, тем не менее, и не думают покидать эти дома: как я уже говорил, они уже их часть. У них имеется возможность съехать, но они никогда этого не сделают, потому что у них идёт сильнейшая подпитка отрицательной энергией, которая наполняет их, и парадоксально дарует им счастье, а врагам их – всевозможные трудности. Если вы уже сюда вселились, но желаете съехать (причин предостаточно, верно?), так просто дом на костях вас не отпустит: он вытянет с вас

всё, вы потеряете всех. Вам будет очень трудно избавиться от него, продать квартиру другим людям. Говорю как человек, который знает всё это не понаслышке.

– Как вы здесь живёте...

– Так и живём. Сам я езжу на труповозке: перевожу умерших на кладбище – то есть, именно я везу людей в их последний путь, последний маршрут. Выгружаю гроб, и всё на этом. И вот что я скажу: было дело как-то глухой, глубокой ночью; надеюсь, мне только показалось, что я услышал в своей кабине сзади, в кузове какие-то стуки, скрип и прочее, точно в гробу живой, а не труп. И было такое не раз и не два. Я в страхе великом оборачивался, ибо мне чудилось, что там, позади меня, кто-то вздыхает и шевелится.

И он закурил, дабы снять нервное напряжение. Надо сказать, мы не выносим табачный дым – но мы так были увлечены его рассказом, что вообще ни на что другое, кроме его слов, не обратили своего внимания.

– Однажды наша бельевая верёвка *разодралась надвое*. – Немного помолчав, молвили мы. – И это странно, потому что верёвка была очень крепкой. Буквально на ровном месте, вместе со всем постиранным бельём на пол.

Водитель задумался.

– Назовите день и час, и я скажу, что произошло.

– Это было месяц назад ровно в полдень (такого-то числа).

– Ровно в полдень в селе сдохла страшная ведьма, колдунья Бобриха. Ужасная женщина. Тучная, крашеная блондин-

ка литовского происхождения. Она ходила по селу, протягивала кому-нибудь 100 бумажными, и после этого человек болел (а то и умирал). Она ходила в церковь, и всю службу как бы про себя, едва слышным шёпотом повторяла: «Прости, прости...». Она *владела гипнозом, и заставляла людей служить себе*: так, уехавшие в Германию были вынуждены высылать ей бандероли, иначе она *прокляла бы весь их род до седьмого колена* – один ослушавшийся погиб там, в страшной аварии, у другого – разрыв сердца, хотя он никогда на него не жаловался.

– Страшные вещи вы говорите; жуть просто, что рассказываете.

– Полагаю, вы мне не верите?

– Не то, чтобы... Просто всю жизнь прожили, а тут такое.

– Попомните ещё мои слова. – Вдохнул наш новый знакомый, и уехал по своим делам.

Между тем, у нас с санузлом было всё хуже и хуже; всюду открылась течь. На холодную и на горячую воду пришлось трубы менять. Конечно же, радости это не доставляло. Всё рушилось и горело, как на огне. Да, к мистике всё это вряд ли имело отношение, но всё же. Латаешь тут – ломается там; сделал здесь – рвётся в другом месте.

Случилось так, что по своей неаккуратности мы порвали обои в одном месте. Новые обои. И вдруг заметили, что наклеены они были не на чистую, голую, отшпаклёванную стену, а на другие, более старые обои... Под которыми об-

нажился слой ещё одних обоев – которые, в свою очередь, прикрывали собой целую мозаику из тяп-ляп наклеенных плакатов, постеров с какими-то страшилищами. Последним был самый древний слой, и то были *старые, престарые газетные листы; уже изрядно пожелтевшие, выцветшие, наполовину истлевшие*. Но кое-что нам удосужилось прочесть: это были статьи про каких-то маньяков, серийных убийц, а также исключённых из партии членов. Там было про Ангар-18, про какие-то паранормальные явления, про аномальные события и происшествия; про Тунгусский метеорит, про разлом коры и прочую дребедень. Про что там только не было! Целая настенная библиотека. Так мы и сидели, на табуретках, как два маразматика, взирая то друг на друга, то на разодранные нами же стены, ибо чрезмерно велико теперь было желание добраться до истины, докопаться до сути.

Вскоре мы заметили ещё одну странную вещь, которую поначалу не брали в расчёт: похоже, что *над нами бродит некая сущность*. Мы реально слышали чьи-то шаги! Бесспорно, пятый этаж был жилой – мы упоминали про многодетную семью. Вот только, проживая здесь не первый уже день, мы научились различать, как у кого какая дверь открывается и запирается; наловчились очень внимательно прислушиваться к любому шороху. И мы чётко уяснили, что, даже когда *все* покидали ту квартиру (на работу, в гости, банальная прогулка, ещё что-либо), то обязательно оставал-

ся *кто-то*. Или *что-то*. С психическим здоровьем у нас всё в порядке; нам не мерещилось, не чудилось, не казалось. Эти шаги – не плод чьей-то больной фантазии, но факт. Это *нечто* перемещалось преимущественно только по какой-то одной комнате (и именно над той комнатой, где мы находились чаще). Оно не пользовалось ни водой, ни светом (характерные щелчки и шум мы бы сразу слышали); оно не ходило в туалет. Оно не издавало ни звука – только шаги. Эти шаги явно были человеческой природы – *кошка так ходить не станет* (к тому же, зная нелюбовь той семейки к кошачьим, это было бы странно). Также, иногда, ближе к вечеру в особо прохладные дни, в отсутствие своих соседей, мы слышали, как кто-то бросает у них в квартире на пол какие-то *металлические шарики*; это настораживало нас, и мы не знали, что и думать.

У этой семьи было трое детей: двоих, с явным диагнозом СДВГ/гиперактивность, мы знали и по их крикам, и по их беготне, и даже в лицо. Но третьего, третьего ребёнка родители словно стеснялись! Точно прятали от потусторонних глаз, как если бы прятали от сглаза. Но мы точно знали, что третий ребёнок существует! Потому что он часто плакал, и к своим почти трём годам до сих пор не разговаривал, не ходил и тем более не бегал. Откуда у нас такая информация? Мы не типичные представители этого посёлка – стакан к стенке мы не приставляем. Но слышимость была столь значительной, что всё слышно было и так (особенно, когда приходили к ним

столь же шумные гости, и иногда говорили нечто вроде «чего стесняешься, надо хоть иногда *его* на улицу в коляске...»).

Настал день, когда между нами и той семьёй назрела очередная ссора, и выплеснулась наружу, ибо они нас чуть не затопили (а мы только-только всё вновь побелили). Мы поднялись наверх, и стали с ними ругаться. Мы не повышали тон, мы не использовали бранных слов, обценную лексику; мы достаточно вежливо, сдержанно попросили этих людей следить за своей стиралкой и, в случае чего, подкладывать тряпку и выжимать её, раз у них бежит труба, а сантехников они не вызывают. Тогда-то мы и увидели третьего ребёнка – обезображенного уродя с огромной, сплюсненной, как горизонтально лежащая дыня, головой.

Мы сопоставили увиденное и услышанное, и предположили, что либо одно из трёх: либо у «младенца» есть шагающий брат-близнец; либо это какое-то бесполое существо, гермафродит, которого по каким-то своим, одним им известным причинам, укрывают наши соседи; либо это вовсе есть *сущность*, и тогда это вовсе дурдом. Всё это сомнительное дерьмо, в котором нам пришлось оказаться, сильно смахивало на рассказ Говарда нашего Лавкрафта «Ужас Данвича». Двадцать первый век, а на дворе что деется... Вот что значит провинция, глубинка: никто ничего и не узнает!

Всё это, безусловно, лирика; наши бредни и домыслы, ибо мы не знали наверняка. Гораздо более нас смутил другой факт: через дорогу, рядом с КСК, слева от него по отноше-

нию к нам (а по сути, ему в тыл, ибо оно стоит перед нами боком) примостилось *агентство ритуальных услуг*... Вот так соседство! Рядом – юрист и нотариус; как говорится, «не отходя от кассы».

На днях мы снова пообщались с тем водителем.

– Почему этого посёлка нет ни на одной карте, и даже в Интернете в Яндекс-картах? Никакого местоположения абсолютно, ни один навигатор не может указать путь.

– Раньше тут было нечто вроде ГУЛАГа – думаю, поэтому; 26-ая точка, закрытая зона. Сейчас здесь воинская часть (ракетные войска), поэтому всё по-прежнему *засекречено насмерть*. Даже при переписи указывают цифру не в 14 000 жителей (как оно есть на самом деле), а всего лишь в 6 000; остальные – «мёртвые души».

– Так вот почему у нас аналоговая антенна барахлит...

– Совершенно верно: их радар глушит временами ТВ-сигнал (хоть и не совсем) – отсюда и помехи в виде «снега» на изображении, и в целом оно менее чёткое.

– Кстати об изображении: по ночам мы наблюдаем...

– *Свечение, верно? Фосфоресцирующего трупа*. Вот за это самое.

– Кошмар какой! – Ужаснулись мы. – Да как же это?

– Всё очень просто. – Шофёр перешёл на тон ниже, говоря полушёпотом. – Давным-давно, ещё при строительстве вашего аномально странного дома №13, в котором вы ныне проживаете, двое работников, напившись, поссорились меж-

ду собой, и один убил другого; и, чтобы скрыть следы своего преступления, он буквально *вмонтировал труп в железобетон*, пока бетон ещё был жидок.

С нами творилось такое, будто нас неожиданно окатили с ног до головы ледяной водой из огромной бочки, либо двинули лопатой, либо земля ушла из-под ног, либо всё вместе взятое.

– Но откуда вы... В мельчайших подробностях...

Наш знакомый усмехнулся – только вряд ли это был смех; скорее, горечь, а спазм лицевых мышц спроецировал это в ухмылку.

– Много слышал, много видел, много знаю. – Уклончиво ответил он. – Дом ваш пользуется дурной славой – больше, нежели любой другой дом в ПГТ. И квартира ваша неоднократно проигрывалась: она была и притоном, рассадником блуда, и пристанищем цыганского табора, и казино. Это *дом терпимости*. Здесь нет места счастью, но царит в ней дыхание смерти, и развод – одна из основных плетей её. Если вы останетесь в ней – либо разведётесь, либо заболеете, либо умрёте; одно из трёх.

Говоривший эти слова произносил их так, словно это само собой разумеющееся, как непреложный факт. С одной стороны, это пугало, с другой – интерес лишь возрос.

– А другие квартиры? Например, сверху.

Если даже у этого сравнительно невозмутимого человека, только и делавшего, что озвучивавшего байки, занимавшие-

гося констатацией фактов *лицо побелело, что твоё полотно* – что говорить об иных?

– Я догадываюсь, о чём вы. – Изрёк он. – Да, *к той квартире привязана сущность*.

Потом он поспешил резко сменить тему разговора, а потом и вовсе заторопился восвояси, сославшись на важные дела.

Но на следующий день водитель пришёл сам, и осведомился, не желаем ли мы продолжить – мусолить байку за байкой. Хотя смешного в его предложении было мало, ведь под «байкой» подразумевался очередной факт, а не нелепица.

Так, шофёр поведал нам об одной условнице, которая сидела за убийство: она *убивала всех маленьких детей, вводя иглы им в темя*. Но и это ещё было не самым страшным: эта женщина бежала, предварительно убив начальника тюрьмы, вырезав ему пах. Она до сих пор на свободе, её так и не поймали.

Рассказал он и про одну девочку, что бродила однажды в одиночку по кладбищу, и, будучи голодной, *взяла с чьей-то могилы конфеты* – просто, чтобы поесть. В тот же день у неё умерла мать, и сама она сильно заболела.

– Думаете ли вы, что это простое совпадение? – Осведомился рассказчик.

– Мы уже боимся думать. – С тревогой отвечали мы.

– ... Как не совпадение и то, что однажды, прямо на день

рождения одной женщины умирает один мужчина. И всё бы ничего, но тридцать лет назад их кое-что связывало: она полюбила его, но он не ответил взаимностью. Быстротечное время ушло, и никто бы не вспомнил, если бы не этот самый случай.

Мы понуро, подавленно молчали, не зная, что на это сказать.

– Я и сам, – Продолжал водитель труповозки. – Был однажды на кладбище не как шофёр, но как убитый горем: умер мой друг, он служил на флоте. И вот, на его могилке, на памятнике лежит бескозырка: никто не спёр, молодцы; чтут память, не святотатствуют, не нарушают этикет. Иду обратно. Смотрю – а она вновь неподалёку. На соседней могиле. И так – опять и опять. Точно преследует меня! По пятам. Я не поленился и вернулся туда, к могиле друга. И что вы думаете? На памятнике бескозырки действительно уже не было!

– Расскажите нам ещё что-нибудь! – Упросили мы рассказчика-водителя, а самих нас трясло, как грушу. – Вот наши соседи, например...

– Вы не думайте, что только ваши *соседи – монстры*. – Опять уклонился водитель, когда речь зашла о тех, кто непосредственно нас окружал. – Мои вот соседи сделали следующее: они *плеснули мне под дверь водой от покойника*, и спустя время у меня умерло трое.

– Как это – водой от покойника? – Поразились мы.

– Когда человека провожают в последний путь – как пра-

вило, труп моют в воде. Вот этой-то водой мою дверь и окатили, бессовестные – видать, физиономией не вышел, ибо причин для такой ненависти не вижу.

Он закурил очередную сигарету и посмотрел на нас.

– Или берут фото всякие колдуньи, и бросают в могилу. Или дохлого ворона в почтовый ящик, или горсть земли с той же могилы... Свечку за упокой ставят, даже если ты жив – и всё для того, чтобы сжить со свету. Такие вот люди у нас гнилые. Даже если изначально хорошие – со временем этот посёлок навсегда накладывает опечаток гнильцы. И ничего с этим поделать нельзя.

– Как? Совсем ничего? – Переспросили мы.

– Уже и священников приглашали – православного и католического; муллу привозили – всё без толку, хотя молились денно и нощно (в том числе и на кладбище).

– Мы когда ехали сюда, видели его.

– Это не то; к нашему селу то кладбище никакого отношения не имеет. У нас их два, и оба – в посёлке. Одно – старое, за шестиэтажкой (единственной шестиэтажкой среди всех прочих пятиэтажных благоустроенных домов). А новое – подле ныне осушенного озера. Кстати об озере: их у нас тоже два! Одно – *бездонное*, и названия не имеет; другое – названия не скажу, но оно почти идеально круглое, и когда-то там плавали лебеди. И там, и там люди, купаясь, часто тонули – не потому, что не умели плавать, а ввиду того, что их либо засасывал ил (точно это болото), либо по невниматель-

ности под плиту попадали, и уже не выныривали обратно.

– Под какую плиту? – Не поняли мы.

– Одно из озёр – искусственного происхождения, и дно вымощено железобетонными плитами. Некоторые из этих плит со временем «провалились» вглубь, и мутно там... В общем, как говорится, это уже совсем другая история.

– Понятно. – Протянули мы, содрогаясь от страха.

– Жила в посёлке ещё одна женщина, Чуланова. Может, вы даже видели её? Высокая, крупная; всегда ходит в старом сером пальто. Одинокая. Так вот: когда-то, когда она и её возлюбленный были молоды, она зачала. Но или она боялась рассказать ему, или он был против: в итоге она, тайком родив, *отправила младенца в печь...*

– Это всё? – С нетерпением перебили мы: пожалуй, на сегодня с нас уже хватит – и так теперь не уснём.

– Я бы мог ещё добавить про то, как двое любовников сгорело в машине, в гараже, и было это не так давно – лет двадцать пять назад. Ну да ладно. В другой раз...

Этот «другой раз» мы ждали, как Бога: да, чувства наши были противоречивы. С одной стороны, нам хотелось забыть всё это, как страшный сон; с другой – выяснить уже до конца всю подноготную места, где живём. Живём, или существуем? Вопрос на засыпку...

Мы – любители природы, и решили однажды прогуляться вокруг села. И позвали мы в сопровождающие нашего шофёра – кто, как не он, будет идеальным гидом? Как раз, за од-

ним, помимо показа достопримечательностей он расскажет нам ещё пару-тройку баек. Или не баян? Или и вовсе затея наша опасна? Что-то чаще сомневаться мы стали в последнее время.

И выбрали мы день, и пошли вокруг села. И лицезрели мы ландшафт в виде совершенно убитых, абсолютно никаких дорог – трассы без твёрдого покрытия; там же, где лежало подобие асфальта, всё было в трещинах и ямах. Мы видели самопроизвольно дымящиеся камни, мы видели арыки и котлованы; мы видели болото, мы видели камыш. Мы видели лица, на которых не лежал отпечаток счастья; мы видели дома, которые вот-вот развалятся. И всюду, где мы бывали сегодня, наш провожатый останавливался ненадолго, и пояснял, какие события связаны с тем или иным местом – так, например, он поведал жуткую историю о котлованах, где тоже погибло много людей – по случайности ли, по невнимательности ли, либо кто-то намеренно сыграл с ними злую шутку. Над деревней витал тяжёлый рок безжалостной судьбы...

– Здание, что перед вами – районная поликлиника, но ещё лет пять назад здесь не было ничего; жалкий, брошенный пустырь, Богом забытое место, куда никто и носа не казал. Теперь тутлюдно, это так – но очень много лет назад тут стояли бараки, в которых содержались заключённые – своего рода небольшая колония-поселение. За ними зорко наблюдали надзиратели. На том пустыре однажды копали (ря-

дом было картофельное поле), и вырыли однажды женский парик с биркой – вру, даже не парик, а самый настоящий, натуральный скаल्प; и зубы там валялись... Всё это не просто часть прошлого, не просто чьё-то воспоминание и/или выдумка: и сейчас, *на чердаке этой больницы медперсонал часто слышит крики*; крики детей. Не те крики, которые типичны для детей, когда они маленькие, когда их просто что-то беспокоит и они хотят кушать – нет; это те крики, которые преисполнены мучений, страданий и страха. Более того, прошлое переходит на настоящее и будущее: здесь работает молодая особа, врач общей практики. И как-то так получается, что в районе высокая детская смертность. Все или почти все догадываются, кто за этим стоит, но ничего доказать не могут, ибо эта тварь всех купила и *продолжает убивать*. Ей всё сходит с рук...

Мы пошли дальше в полном недоумении, и остановились у другого здания, в виде буквы «Т». Когда же мы его обошли, то поняли, что это не буква «Т», но, скорее всего, плюс или крест. В груди что-то ёкнуло.

– Многие годы это сооружение являлось детским садиком, позднее – больницей. Теперь это снова детсад. Видите вон там, в углу, внизу, на стыке стен полуоткрытую дверь с выцветшей багровой краской на ней? Это вход вниз, в *подвал*. Туда не заходит никто; бояться до сих пор. Когда-то там было нечто вроде склада всякого хлама – старые вещи, матрацы, и так далее. Их просто складывали, как в чулан. Но

ходят не беспочвенные слухи, что подвал этот ведёт очень далеко и очень глубоко – и дети, играющие на площадке данного учреждения среди горок, беседок и качелей – те из них, кто вошёл туда, не вернулись назад. Говорят и то, что *их поджидает там людоед-отшельник*: старый бомж и/или бич; бездомный, безработный маньяк, *бомжарская бомжара по прозвищу Магог*, который пьёт детскую (и не только) кровь, расчленяет трупы и варит из них суп... Он живёт там и зимой, поскольку в подвале проходят трубы центрального отопления, всякие там краны и всё такое. Он там греется и чувствует себя вольготно; одинокий серый волк. Работающие здесь стараются обходить это место стороной, остерегаются, не подходят близко.

– Он до сих пор жив? Не умер? – Ахнули и выпали мы, не веря своим ушам.

– Говорят, детская кровь продлевает жизнь. Помните *Елизавету Батори*? Ей наполняли ванну не водой, но свежей кровью убиенных молодых девственниц. «Кровавая Элизабет»... Загуглите в Википедии, если не верите; сушая правда. Истинно говорю вам.

Мы внимательно слушали, следуя за своим предводителем всё дальше и дальше.

– Вот и микрорайон. Вон там – знаменитая шестиэтажка, а за ней – то самое старое кладбище...

– Мы пойдём на кладбище???

– А вы хотите?

Ноги сами повели нас туда, ведь мы уже плоховато сообщали. Мы шли за своим гидом, как послушные агнцы за своим добрым пастырем.

– Вот и ресторан. – Спокойно произнёс шофёр, остановившись.

– Ресторан? Сзади дома, прямо возле кладбища?

– Ну, как ресторан... Для деревни это, конечно же, ресторан; для вас, городских, искушённых и видавших виды это, несомненно, всего лишь кафе – так, забегаловка.

– И что, люди идут сюда и едят? Несмотря на фон? Неужели их ничего смущает?

– Вы видели овощной ларёк-киоск возле мусорки, который мы уже прошли? Видели толпу, как в мавзолей? То-то же! Люди ничем не погнушаются. Хоть говно лежать будет. Так и живём. Ничего, скоро вы перестанете чему-либо удивляться – как и я, впрочем.

– Это жестяная жесть просто!

– Может быть; я уже привык. Но вообще, в этот ресторан подле кладбища ходят справлять поминки – это чаще всего. Но иногда и свадьбы отмечают – хотя, долго эти пары не существуют...

И пошли мы на кладбище, в этот сельский склеп. И обходили осторожно каждую могилу, и многие из них были без памятников и даже без оградки. И терзал наш слух водитель труповозки, рассказывая историю того или иного мертвеца.

– Вот эту женщину *зарубил насмерть топором* её муж

на глазах у детей – не из-за её измены, а потому что муж болел эпилепсией; так уж случилось, а дети с тех пор заики. Вот этот тип пытался показать мастер-класс, вообразив себя обезьянкой, которая скачет по балконам – но то ли кто-то толкнул его, то ли сил не рассчитал: так и шваркнулся на голый асфальт, убившись. Вон того мужчину забили насмерть в подъезде какие-то недоброжелатели – самое странное то, что у него был чёрный пояс по каратэ; или подошли сзади незаметно, или он не был трезв... Вот здесь покоится психически больная женщина, которую задушили, польстившись на старую рухлядь в её серванте, как то: сервис, морские раковины, прочее. Вон та могила – могила человека, которого нашёл однажды на лыжне мой кореш, ныне тоже покойный: катался по молодости на лыжах где-то на отшибе, и наткнулся на *истлевший труп с номерком* – много десятков лет назад этот человек сбежал из-под стражи в этих своих полосатых лохмотьях. А вот этот холм – последнее пристанище для ещё одного людоеда, который прятал в диване (знаете, раскладные такие) части тел, изувеченных им людей, а также кости и черепа – внутренности же их он хранил в морозильной камере своего холодильника. Ну, а здесь покоится девочка... Там странная история: одна семейная пара однажды то ли попала в долговую яму, то ли они пообещали какое-то там донорство: в общем, в одно не самое прекрасное утро раздаётся стук в дверь. Смотрят в глазок – никого нет. Открывают, а там... Их дочь за дверью, мёртвая, изнасилованная

(проводили экспертизу) и с выколотыми глазами, а в сжатом кулаке записка «спасибо за глаза». Кто так жестоко пошутил, кто надругался – неизвестно; дело – глухарь, всяк... Да, и ещё: если со дня смерти человека не проходит сорока дней, как кто-то умирает ещё, то дурное это предзнаменование – сразу будет девять трупов подряд в разных местах. Оттого и воют собаки, что дня не проходит, как кто-то подыхает.

Удивительно, но этот человек знал историю почти каждого, кто лежал здесь!

– А там что за магазин? – Кивнули мы на один домик, когда кладбище было уже далеко позади.

– Этот магазин зовётся местными «*Просрочка*», ибо там всегда всё несвежее. Но, поскольку он ближайший, а бабулькам ходить далеко – тяжело (а иным людям – попросту лень), то они довольствуются тем, что есть, и особо не жалуется.

Мы прошли гаражи, и заприметили на крыше одного из них *останки сгоревшей легковушки*, а идя к озеру, видели *обгоревший остов автобуса*, без стёкол и колёс. Но, хотя случилось это уже давно (со слов нашего «гида»), в воздухе, которым мы сейчас дышали, витали и гарь, и пепел, и копоть, и *злосмрадие*. Вдалеке мы заприметили и второе, новое кладбище, о котором говорил наш знакомый – но туда мы идти не отважились: говорят, там ходит-бродит один *гробокопатель по прозвищу Блуждающий нерв*... Который, ритуально и пафосно свершив омовение рук, чресл и других членов, прочистив носовые проходы, приступает к осквер-

нению могил, выкапывая свежие трупы, глумясь над ними и сношаясь с ними. Там же он проводит важные, по его мнению, заседания – дефекации.

И он, согласно рассказам нашего помощника, далеко не единственный больной среди живущих здесь.

– Почему их не закроют? В *психдиспансер* какой-нибудь, например. Или в места, не столь отдалённые.

– Куда? Где? В Алексеевке или Гранитном уже мест нет; да и кому это надо? Никто не станет возиться...

Водил, водил нас кругами шофёр, и вывел нас к птицефабрике.

– Ещё одно гиблое место, ибо из-за аммиака многие, многие работники попортили себе тут здоровье. Но и это ещё не самое страшное: там находится убойный цех (в котором работники с особой жестокостью, остервенением разрубают курам шеи, и головы падают на вонючий, окровавленный пол, ибо та курица не первая и не последняя). Там, в лапсе перемальваются кости птиц – и не только: в печи сжигали и людей. Этим промышляла одна семейная пара. Вышел кто-то в смену – и всё, пропал человек. Забили тревогу, когда в хлебе, в мясе стали находить человеческие ногти и даже один раз палец (в селе имеется и своя пекарня). Этих подонков, было, поймали, но жена, дабы муж не проболтался, не заговорил, сбросила его в колодец (в котором несколькими годами ранее нашли чью-то человеческую голову). Вы не поверите, но та женщина выкрутилась; она по-прежнему живёт

и здравствует. И как земля её только носит...

В деревне, как выяснилось, когда-то работали лимонадный и колбасный цеха – своё собственное производство, не импорт. И на мясокомбинате также убивали людей. А в ДК однажды старшекласники на дискотеке сначала грохнули одного гастарбайтера, а после – и участкового, который приехал разбираться. И они отмазались: им нашли адвокатов. Им дали условное (!) за эти *два убийства* (!). Оба живы и здоровы, и прекрасно чувствуют себя, хоть и имеют судимость – один даже работает в школе физруком: вот что значат связи и деньги.

И тут мы вспомнили, о каком «физруке» идёт речь: ба, да этот отморозок – закадычный друг наших соседей сверху! На вид – весь такой маленький и щуплый дрищ, но дерётся, как Ван Дамм... Мы слышали однажды возню на лестничной площадке – так он с одного удара ушатал одного из своих приятелей (видимо, тот по пьяни что-то не то ляпнул). Мы ещё на 102 позвонили, на свою голову, ибо реально думали, что произошло убийство: слышали удар и падение, там же везде железобетон).

И пошли мы дальше, вместе со своим направляющим вектором, и показал он нам и третье кладбище! Бог с вами, не пугайтесь: то – кладбище списанных, сломанных тракторов и комбайнов. Вот только на ум отчего-то сразу пришло произведение Герберта нашего Уэлса «Война миров»; жутчайшее, убогое зрелище, надо заметить – будто эти проржавев-

шие насквозь машины-роботы не мертвы, но спят, и восстанут сию секунду...

– Шла уборочная, и именно вон тот жёлтенький *K-700* не заметил в стоге сена спящего после работы человека и *перемолол его*. Погибшего хоронили в закрытом, цинковом гробу. – Сурово вымолвил наш гид, и побрёл дальше, а мы, соответственно, за ним.

Всё в этой жизни когда-нибудь заканчивается – завершилась и наша прогулка вокруг села. Когда же мы вернулись домой, не могли уснуть до утра, переваривая всё сказанное нашим гидом.

А между тем в посёлке стали происходить странные вещи. Точнее, они происходили и раньше, но теперь в селе нашем люди стали засыпать. Тупо засыпать на несколько дней, и всё, как в *селе Калачи*. Некоторые уже не проснулись никогда...

Мы связались с нашим водителем – интересно, что думает по этому поводу он.

– Понятия не имею; странно. – Глухо проговорил он в трубку.

– Надо же что-то делать! – Возмущению нашему не было предела, и нас выворачивало от того, что всем всё равно, до одного места, до лампочки. – Вон про Калачи так сразу по телевидению показали; расследовали что-то...

– Я в курсе. – Всё так же глухо, без единой дрожи в голосе, спокойно и без эмоций отвечивал шофёр. – Там добывали

когда-то уран, приезжали учёные и прочие специалисты.

– А у нас что?

– Вы так ничего и не поняли? – Воззвал он к нам. – Нашу деревню не покажут ни по одному каналу, ни под каким предлогом; что бы тут не происходило. Всё утаивается, скрывается, прячется и опускается. Люди боятся и молчат, молчат и боятся. *Здесь всегда будет мистика...*

– А статус районного центра? А куча мигрантов и рост населения? А строительство новых объектов?

Нам в трубку рассмеялись, но смех этот был горьким и вымученным.

– Это всё верхний слой, дорогие мои. Суть же остаётся сутью; ничего не меняется. Копни глубже – не ошибёшься, не промахнёшься. И люди вроде вас, доверчиво купившись на «пригород, тишина, покой, зелень» ломятся сюда, как мухи на мёд. И только спустя месяцы понимают, в какое болото попали. Ещё меньшее их количество стремится, как и вы, выбраться из этой глуши обратно – увы, удаётся это единицам. Это всё – если вы «хорошие». Если же вы такие же гнилые, как и подавляющее число живущих здесь – вам даже понравится, потому что плохие люди питаются хорошей энергетикой. Они – энергетические вампиры. Вы ведь заходите в свой подъезд ежедневно, верно? Вы заметили живущего на втором этаже направо старожила с бесцветными, полупрозрачными глазами? Это знатный колдун! Он о каждом в вашем доме всё знает, потому что выслеживает да разню-

живаает, как та науськанная, натасканная псина. Это образ его жизни – вмешиваться в личную жизнь своих соседей, раздавать ненужные советы и предложения. Этот старый дед – многих лет, и сколько с ним уже умерло. Огорчу вас: он ещё и вас переживёт, ибо таких гнилых, как он, лишь могила исправит. Он не успокоится, пока не выдоит всё; он питается этим. Его, как и многих других, наполняет всё то дерьмо, в котором он вращается. Он крутится и вертится, как может, и деньги делает с ничего, и много. Всю жизнь он ворует, но так, что его никто доньше не подловил и уже не поймаёт. Всё же он, как и иные, тяготится бременем старости, ибо чёртово село накладывает свой мерзкий, ветхий отпечаток даже на таких сильных духом, как он, поэтому ведьмак, кудесник, чародей *вынужден искать новые души*, потому что с прежних он уже *высосал всё, что мог*. Не замечали? Ну да, вы же не всю жизнь тут живёте. Те люди, которые подверглись нападению таких энергетических вампиров, как он, как правило, *часто болеют, устают от простого разговора, выглядят старше своих лет и рано умирают*. Вот такие пироги...

– Как же вы распознаёте, кто – хороший, а кто – плохой? – Изумились мы.

– С годами я тоже кое-чему научился, кое-чем обладаю. Чуйка у меня на людей. *Чем грешнее человек – тем грязнее он выглядит через определённую призму насквозь; этой призмой и является моё чутьё.*

И пожелав доброго здоровьяца, положили мы трубку. И пошли гулять, но вид сегодня был премирачный: вместо яблонь и поля малины – пни тополей, грачи и вороны...

После всего, что мы пережили, после всего, что мы увидели и услышали, обоняли и осязали, мы решили покинуть эту зловещую, мрачную деревню навсегда. Но мы очень долго не могли продать свою квартиру, потому что в долбанном доме №13 никто не хотел приобретать жильё. Спустя многие месяцы нам всё же удалось избавиться от своей №66, значительно сбавив при этом цену. А что делать? Иного выхода мы на тот момент, тот отрезок времени не видели.

Мы зашли попрощаться со своим знакомым, но увидели, что дверь в его квартире приоткрыта. Кровь застыла в наших жилах.

Мы вошли, и с ужасом увидели, что наш шофёр сидит посреди комнаты на табурете, среди голых стен, и в руках у него электродрель. Казалось, он не был удивлён нашему визиту. Он смотрел исподлобья.

– Я ждал вас.

Похоже, мы пришли не вовремя; вид у водителя был престранный.

– Меня преследуют сны, – Начал он, откашлявшись. – Будто бы я в круглом цирке, и там девушки, с которыми меня связывает что-то общее и хорошее, какая-то дружба. Нас связывает что-то важное, у нас доверие. Они и на сцене, и в зале, 4-5, и там и там одновременно. Я их ищу, а они меня.

Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу.

– И видел я иной сон, – Продолжал сидящий на стуле. – Будто бы у меня гости по случаю моего дня рождения (или нет?). Ибо в моём доме мои друзья, и на столе – большущий белый торт с кремом. Однако самого меня нет, а вместо свечек для торта – свечки, которые обычно ставят за упокой... А я сам, в другом уже сне будто бы иду по льду или снегу; очень долго иду, и нутром чую, что под тем слоем (льда, снега – неважно) находится пропасть; толща воды – море или даже океан. Холодная вода, в которую не проникает ни фотона света.

А мы всё молчали, точно воды в рот набрали. Или нам его скотчем залепили? Мы взирали на нашего знакомого, который выглядел разбитым, уничтоженным, несчастным.

– А недавно мне приснилось вот что. Будто бы я – с моим крёстным где-то на заработках, и ночью в какой-то церковной келье. И тут его дочь, человек из моего далёкого прошлого меня находит и как бы между делом говорит, как она неоднозначно ко мне относится, а именно любит. Мы громко разговариваем и даже смеёмся (на дворе, повторяюсь, тёмное время суток). Крёстный просыпается и велит нам быть потише, и чтоб тотчас уснули, но мы продолжаем. После она ведёт меня куда-то, и вдруг мы у школы, где когда-то учились. Там, со стороны недостроенного бассейна и здания трудовика мы останавливаемся, смотрим вверх и видим, что в такой час школа жилая, живая; там горит свет. Мы поднимаемся,

заходим в помещение, но там *двое мёртвых человечка, проткнутых чем-то острым*. Застывшая кровь. Причём, что странно, те людишки – нарисованные почему-то; это картина. Чёрно-белая, и как бы под Средневековье – нет, скорее Ренессанс. Она утверждает, что это наши дети (или могли ими быть?). И я просыпаюсь под какую-то *шумную и злую классическую музыку XIX века*... Может, она была мне по судьбе? Простите, это личное, а я вам изложил, как на духу.

– Н-ничего...

После долгого молчания водитель труповозки произнёс следующее:

– Планета Земля – как шахматная доска: это набор чёрных и белых зон. В одних (белых) зонах человек чувствует себя хорошо, и сравнительно счастлив; в других же, чёрных, творится сущий беспредел – проигрываются целые места в автобусах, реки крови, проворачиваются тёмные делишки... Так что, уезжая, помните: как бы не набрести вам на очередное чёрное поле, ибо они повсюду; 26-ая точка – не единственная аномальная зона (хотя и своеобразная, одна из худших в своём роде). Ну, а я не могу больше терпеть всё это дерьмо: *голоса; они преследуют меня*...

После всех этих напутственных и горьких слов наш знакомый вдруг решил распотрошить свой живот, направив сверло своей включённой в розетку электродрели прямо в середину брюшной полости. Мгновенно начали разлетаться в разные стороны *грязные хлопья, комки из крови и чело-*

веческой ткани. Глаза шофёра остекленели – он был уже мёртв; так и застыл с электродрелью в руках.

В диком ужасе, сломя голову мы помчались, куда глаза глядят, во всю прыть, перепрыгивая на лестнице через две ступени – куда подевались наше давление, наш возраст, наши больные ноги?

Уехали мы оттуда, и никогда больше туда не возвращались...